

ДИАНА МАШ

Охота на Князя Тьмы

Диана Маш

Охота на Князя Тьмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69844066

SelfPub; 2023

Аннотация

1890 год. В уездном городе Китеже жила юная Сонечка. Вышивала крестиком, вязала крючком... Пока ее не убили, а в ее тело не вселилась я – студентка факультета судебной экспертизы София Леденцова. Как теперь быть? Я подумаю об этом завтра. А пока нужно разобраться с внезапно возникшим даром видеть призраков, поймать убийцу Сони и как-то сладить с нахальным полицейским приставом, что подвергает насмешкам передовые методы расследования преступлений.

Содержание

Пролог	4
Глава 1, Где смерть – не повод для отчаяния.	7
Глава 2, Где кашу салом не испортишь.	20
Глава 3, Где не все что летает имеет крылья.	33
Глава 4, Где спящих красавиц не добудиться	50
Глава 5, Где важно читать книги	70
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Диана Маш

Охота на Князя Тьмы

Пролог

Алевтина Максимовна чувствовала себя счастливейшей женщиной на свете.

И повод для того имелся. Аж два!

Ударившее в голову вкусное шампанское, коим ее угощал щедрый купец Столешников. И покоящийся за корсажем золотой перстенок с крупным бриллиантом, забытый под ее кроватью одним из сегодняшних посетителей.

Вещица старинная, фамильная. Хороший ювелир за нее дорого даст. Тут и на домик в деревне хватит, и на лавку швейную. А там, глядишь, и желтый билет [1] сжечь можно. Жизнь заново начать.

Она давно мечтала скопить достаточно денег, вернуться из небольшого, но шумного Китежа в родные края. Мужа достойного найти, детишек ему нарожать. Чай баба не старая. Дюже красивая. Мужики сурьезные порог спальни обивают. Нежной камелией [2] зовут...

От извозчика Алевтина Максимовна отказалась. До доходного дома на Брюховской, где она арендовала небольшую

комнатенку, идти всего-ничего.

Отражавшийся от свежесвыпавшего снега лунный свет не давал ей сбиться с пути. Дорожка к дому проходила среди елей Перемейского парка, где в этот поздний час не наблюдалось ни души.

Шаг ее потертых сапожек был нетверд. В голове играла веселая мелодия. Полушубок, лишившись давеча последней пуговицы, так и норвил соскользнуть с плеч.

От радостных мыслей Алевтину Максимовну отвлек неясный шум. Женщина оглянулась, никого не заметила, махнула рукой и продолжила путь.

Должно быть ветер разгулялся. Решил пошалить. Погода нынче премерзкая.

Хрустнула ветка. Закричал ворон. Да так пронзительно, что Алевтину Максимовну одурь со страху взяла.

Визгнула. Подпрыгнула. Заозиралась по сторонам, покамест ей не привиделся прячущийся за ближайшей елью высокий, темный силуэт.

– Кто вы будете? Зачем преследуете меня? – в голосе женщины чувствовалась бравада, подпитываемая еще не совсем растворившимися в голове пузырьками от шампанского.

– Алевтина...

Узнав этот голос, она облегченно вздохнула.

– Ах, это ты... Испужал, охальник окаянный! – Будь он рядом, огрела бы по плечу. Это ж надо так подкрасться! – Уходи! Не об чем мне с тобой лясы точить!

Алевтина Максимовна отвернулась, дабы продолжить путь, и не увидела, как в руке ее знакомца блеснуло лезвие острого ножа...

[1] Аналогичный паспорту документ жёлтого цвета, который давал право легально заниматься проституцией.

[2] Женщина легкого поведения, куртизанка, кокетка. Вошло в обиход под влиянием романа А. Дюма «Дама с камелиями».

Глава 1, Где смерть – не повод для отчаяния.

- Глаша, носи воды! И нашатырный спирт, он в моем комоде в верхнем ящике!
- У кого-нибудь имеются нюхательные соли?
- Вот туточки, Инесса Ивановна...
- Ефим Ефимыч, это нюхательный табак. Сонечке он ни к чему.
- Сергей Данилович, миленький, прикажите послать извозчика за доктором!

Женские вопли и мужские причитания, доносившиеся до моего сознания как сквозь ватную толщу, бесцеремонно выдернули меня из объятий блаженной тишины.

Голова разрывалась от боли. В ушах звенело. К горлу подкатывала тошнота. А потому встать, чтобы вычислить источник шума, я не торопилась. И так понятно, что новые соседи разгулялись. В третий раз за неделю я к ним разбираться не пойду.

Покричат и успокоятся...

Внезапно в нос ударил запах нашатырного спирта. Легкие будто опалило огнем, заставив меня втянуть воздух, распахнуть глаза и стремительно подскочить на узкой кушетке.

– Какого хре... – столкнувшись с уставившимся на меня десятком пар глаз, я проглотила окончание своей проникновенной речи и зашлась в кашле.

– Сонечка, милая, – склонившаяся надо мной хрупкая седовласая старушка похлопала меня по спине. – Ты нас всех напугала. Что с тобой приключилось?

Какой интересный вопрос. Мне и самой любопытно.

Недоуменно моргая, я оглядела ярко освещенную люющим из окна солнечным светом незнакомую, но довольно уютную комнату. Синие обои с цветочным орнаментом. Пылающий камин с гипсовыми львами. И мебель, будто из антикварной лавки.

Я что, в музее?

Взгляд переместился на окружавших меня людей. Женщины – пятеро, и все пожилого возраста – были одеты в длинные старомодные платья пастельных тонов. Прически, волосок к волоску, собраны на макушках. Белые перчатки. Накрахмаленные воротнички. Двое мужчин, в свою очередь, красовались в выглаженных пиджаках и брюках.

Нет, не в музее. Скорее на костюмированной вечеринке. Но как я сюда попала?

Последнее, что сохранилось в памяти – это срочный вызов, невзрачный человек, обшарпанная парадная, нерабочий лифт и грязная лестница без перил, по которой я поднималась на пятый этаж. В квартиру, где часом ранее произошло убийство.

Из-за угла на меня выскочила бесформенная тень. В грудь уперлось дуло пистолета. Выстрел...

Черт, в меня что, стреляли? Тогда почему я не в больнице? И где капитан Стасевич, мой непосредственный начальник, в департаменте которого я должна была проходить преддипломную практику?

Это же надо, первый день и такая задница. Нужно попросить телефон, выяснить, что здесь происходит и набрать участок.

– Можно мне воды? – голос вышел осипшим, с хрипотцой.

Я снова откашлялась и взяла граненый стакан, который мне протянула появившаяся будто из неоткуда молодая девушка в коричневом платье с белым фартуком.

Сделав глоток, я огляделась. В глазах уставившихся на меня людей таилась нешуточная тревога.

– Простите, а мы знакомы?

– Сонечка! – ахнула сидящая рядом хрупкая старушка и прижала ладони к лицу. – Ты ничего не помнишь? Глаша, где же доктор?

– Должон уж быть, Инесса Ивановна. Я говаривала Тишке поспешать, – ответила ей со странным деревенским акцентом молодая девушка в фартуке. И тут же затерялась за спиной выступившего вперед мужчины.

Одетый с иголочки, высокий, симпатичный блондин лет тридцати держал в руке трость и смотрел на меня нечитаемым взглядом. Таким внимательным, что стало не по себе.

Это еще кто такой и что ему от меня нужно?

– Софья Алексевна, я нашел вас на полу, вы лежали без чувств. По всей видимости, ушиблись затылком, – приятный мужской голос подействовал на меня как обезболивающее. Пришлось отвесить себе мысленного пинка, чтобы не потерять бдительность. – Вы помните меня?

Хотелось бы... Интересный мужчина. И глаз задумчивых с меня не сводит.

Я отрицательно качнула головой. Он отвесил поклон.

– Позвольте представиться. Граф Бабишев Сергей Данилович. Ваш... жених.

Я нервно сглотнула, пытаясь отдышаться.

Жених? У меня? Да еще и целый граф...

Час от часу не легче. Еще только утром наслаждалась свободой, а тут нате вам... распишитесь.

– Это какая-то шутка? – с надеждой в голосе поинтересовалась я.

– Отнюдь, – пожал плечами блондин и слегка улыбнулся уголком губ. – Не в моей привычке шутить над благородными барышнями. Да и Инесса Ивановна не позволит.

Подтверждая его слова, старушка усиленно закивала.

А может я сплю?

Попробовала ущипнуть себя за щеку. Ай. Больно.

Медленно, чтобы не потревожить больную голову, я поднялась на ноги. Вскочившая старушка попыталась предложить мне руку, но я отказалась. На негнущихся ногах, под

строгим присмотром блондина, приблизилась к окну, отдернула занавеску и... застыла.

Припорошенная снегом незнакомая улица. Вывеска «Конторскія книги» на доме напротив. Люди в странной одежде. И... запряженные лошадьми экипажи.

Может, я умерла и попала в... Нет, на ад не похоже. На рай, впрочем, тоже. Зависла посередине?

Тихонько отдышавшись, я облизала резко пересохшие губы и вернулась к кушетке. Сидеть было удобнее. Больше шансов не свалиться у всех на виду.

Воспитавший меня дед, ныне покойный Прохор Васильевич Леденцов, прошедший за свою долгую жизнь и огонь, и воду, и медные трубы, любил повторять, что смерть – это всего лишь отсутствие сердцебиения. А значит и бояться ее не стоит.

Я и не боялась. Или думала, что не боялась. Иначе к чему этот зашкаливающий пульс и отдышка?

– Сонечка, дорогая, – Инесса Ивановна подняла руку и погладила меня по плечу. – Ты совсем-совсем ничего не помнишь?

Рассказывать, что мои воспоминания разительно отличаются от тех, на которые она надеялась, я не стала. Вместо этого отрицательно качнула головой.

– Где я?

Старушка всхлипнула, взяла протянутый ей одним из го-

стей платок и промокнула выступившие на глазах слезы.

Странно. Я ее в первый раз вижу, но почему-то печаль этой женщины вызывала непонятную тяжесть в груди. Хотелось успокоить, утешить. Но как?

– Это твой дом. А я – твоя тетушка, Инесса Ивановна Замировская. В честь вашей с графом помолвки был назначен праздничный обед. Ты отлучилась из столовой. Долго отсутствовала. Его сиятельство отправился тебя искать...

– Помолвки?

А может я попала в параллельную реальность? Прямо из грязной парадной перенеслась в тело своего двойника? Очень похоже на сюжет одной из прочитанных мною книг, где все закончилось свадьбой и детишками. Но чем черт не шутит?

– Вы оказали мне честь, согласившись стать моей женой, Софья Алексевна, – тяжело вздохнув, добавил мой свежееиспеченный «жених».

Не то, чтобы я ему не верила...

Видный. Красивый. Мужественный. И вроде, кажется, при деньгах. Нельзя не признать, что у той, другой Сони, был хороший вкус.

Я открыла рот, чтобы сообщить присутствующим, что мне бы с собой разобраться, а потом уже о помолвке думать, как вдруг распахнулась дверь и в комнату влетел грузный мужчина с пышными бакенбардами, переходящими в не менее пышные усы.

На его черном пальто белели не успевшие растаять снежинки. А в руках был зажат габаритный кожаный саквояж.

– Инесса Ивановна, голубушка, я спешил как мог. Что у вас приключилось? – скинув верхнюю одежду прямо в руки девушки по имени Глаша, он поставил на стол сумку и подошел к кушетке.

Маленькие глазки забегали по гостям, выискивая больного, пока не остановились на мне.

– Сонечка, милая, как вы бледны!

Подскочив с места, моя так называемая тетушка, схватила мужчину за руки.

– Модест Давидыч, предобрейший, спасайте! Вся надежда только на вас, – она снова всхлипнула и перевела на меня тоскливый взгляд. – Сонечка ударилась головой и нонеча совсем ничего не помнит.

– Эка напасть! – покачал головой мужчина. Сев рядом со мной, он махнул рукой в сторону присутствующих. – Господа, вы не могли бы оставить нас с Софьей Алексеевной наедине. Инесса Ивановна, вам, как ближайшей родственнице, можно остаться.

И минуты не прошло, как комната опустела. Последним выходил граф, который, отвесив нам со старушкой поклон, прикрыл за собой дверь.

Модест Давидович поднялся, распахнул окно и кислорода стало в разы больше. Я, наконец, смогла вздохнуть полной грудью.

– Откройте рот, милочка, – попросил врач и принялся изучать его содержимое.

Следом начал ощупывать шишку на голове. Шею. Оттягивать веки. Спрашивать, где болит. Затем поднялся, подошел к столу, вытащил из саквояжа продолговатую трубку. И только когда он приложил один конец к моей груди, а ко второму прислонился ухом и попросил задержать дыхание, до меня дошло – это что-то вроде стетоскопа.

Закончив, он почесал нос и вздохнул.

– Что последнее вы помните, дитя мое?

Вонючая парадная? Выстрел? Думаю, этого ему знать ни к чему.

Я развела руками.

– Ничего.

– А как вас величать?

– София Леденцова, – произнесла я на автомате и встрепенулась. Имена с двойником у нас может и схожие, но фамилии?

– Вспомнила! – воскликнула все это время сидевшая как мышка «тетушка» и захлопала в ладоши.

Так, кажется я точно в параллельной реальности.

– А Инессу Ивановну помните? Или меня? – я отрицательно качнула головой. – Да, дела... Я Модест Давидович Ключнер. Ваш участковый врач. А у вас, милая, то, что мы в медицинских кругах зовем ретроградной амнезией. Потеря памяти по причине удара головой.

Старушка громко охнула и прижала ладони к губам.

– Модест Давидыч, а как эту амне́зию лечить? – срывающимся шёпотом уточнила она.

– К моему глубокому сожалению, Инесса Ивановна, только временем, – развел руками врач. Затем поднялся и положил стетоскоп обратно в саквояж. – Мои рекомендации для вас Сонечка – не трудить голову и побольше отдыхать. Гостей отпустить. Первые два дня лежать в темной комнате, не шевелясь. При головных болях – прикладывайте ко лбу холодные компрессы. Вам, Инесса Ивановна, надобно рассказывать обо всем, об чем ваша племянница позабыла. Так памяти легче вернуться. А я откланиваюсь, пролетка на улице ждет. Ежели что, присылайте Тишку – мигом обернусь.

– Да куда ж вы в такой мороз и без сугреву? – всплеснула руками старушка, и повернулась к закрытой двери. – Глаша, настойку можжевеловую неси.

– Да будет вам, милейшая, – покраснел врач, но уходить не торопился. Дождался, когда в комнату влетит запыхавшаяся девушка с подносом в руках, схватил стоящую на нем рюмку с прозрачной жидкостью и опрокинул ее в рот. Затем громко ухнул, поморщился и занюхал увесистым кулаком. – Эх, хорошо пошла, родимая! Благодарствую, Инесса Ивановна.

– Глаша, проводи дорогого Модеста Давидыча, – наказала старушка. – И скажи гостям, что мы с Сонечкой премного извиняемся, но сейчас ей надобен полный покой.

– Нонеча же передам, барыня.

Как только мы остались в комнате одни, «тетушка» замялась у дверей.

– Тебе бы подремать, Сонечка.

– Я еще не хочу, – я потерла зудящую шишку и положила голову на мягкий подлокотник кушетки. – Но вы могли бы ответить на несколько моих вопросов.

Кивнув, она придвинула к кушетке стул, села напротив, наклонилась и обхватила теплыми ладонями мои руки.

– Спрашивай, милая, – грустно улыбнулась мне Инесса Ивановна. – Все об чем знаю, поведаю.

А вот теперь самое сложное – как все правильно сформулировать? С чего начать?

– Какое сегодня число? В каком городе мы живем? У меня есть родители? Кто я такая? Кто вы все такие? Кто платит за аренду этих хором? Если я, то откуда беру деньги? Кем работаю? Этот... жених, кто он такой? Как мы познакомились? А остальные... я их знаю? Что я делала сегодня утром? Какие у меня планы на ближайшее время? Знаете ли вы человека по имени Прохор Васильевич Леденцов? – у меня в запасе имелось еще пару десятков вопросов, но нужно было перевести дыхание. А когда перевела, заметила вытянувшееся лицо «тетушки» и решила пока сильно не нагнетать. – Извините. Просто столько всего в голове...

– Не стоит просить прощения, Сонечка, я все понимаю и постараюсь ответить. Только вот... кто будет твой Прохор Васильевич? Среди Лешенькиной родни не припомню эта-

кого имени...

– Да, так, – тяжело вздохнула я. – Забудьте.

Поднявшись, Инесса Ивановна подошла к столу и взяла в руки лежащую на нем газету. Пробежалась по ней глазами. Затем вернулась к кушетке и передала ее мне.

Статья о дамских нарядах на передовице. Под ней заметка о том, что некий князь Орлов попросил руки и сердца дочери некоего барона фон Манфа...

Мой взгляд пополз выше и зацепился за говорящее название – «Сплетникъ». Под ним значилась дата – «№128, четвергъ, 18 декабря, 1890г.».

Я задержала дыхание. Зажмурилась. Снова открыла глаза. Перечитала. Выдохнула.

Это не просто другая реальность. Это еще и другое время. А мир?

– Ч-что за город? Где мы живем? – выдавила я из себя и подняла голову.

– Китеж, милая, – от Инессы Ивановны не ускользнул мой потерянный взгляд. Она снова села рядом и принялась гладить меня по волосам. – Ты здесь родилась, Сонечка. Выросла. Ходила в гимназию. Как только Модест Давидыч разрешил, я попрошу Тишку подогнать пролетку, и мы прокатимся по окрестностям. Ты тотчас все вспомнишь.

– Китеж? – нахмурившись переспросила я. – Это который... утонул?

– Утонул? – захлопала глазами удивленная старушка. – Ты

что-то путаешь. В нашей Любле разве утонешь? Речушка-соплюшка, воды по колено. А тут цельный город в столичной губернии. Небольшой, но дюже славный. Сама убедишься.

– А мои родители, они живы? – может хотя бы здесь...

Инесса Ивановна тяжело сглотнула и опустила голову.

– Сестрица моя, Сашенька, маменька твоя, вместе с отцом Алексеем Макарычем уже почитай пять лет не с нами. Как сейчас помню. Перед масленицей в столицу собрались. Тудыть и обратно. Старый знакомец батеньки твоего свадьбу играл. Тебя со мной оставили. А когда возвращались, наткнулись в лесу на душегубцев окаянных. Никого не пощадили. Эх! – она махнула рукой и вытерла покотившуюся по щеке слезу. – Одни мы с тобой остались, Сонечка. Сиротиночки. Так и живем.

– Простите, что заставила вас вспомнить, Инесса Ивановна, – я коснулась ее ладони и крепко ее сжала. – А что насчет этого дома? Денег? Я кем-то работаю?

– Это твой родной дом, дитя мое. По завещанию Лешеньки он перешел тебе, вместе с остальным наследством. Ты невеста у нас не бедная. Умница, раскрасавица. Даже его сиятельство не устоял.

Старушка взяла со стула вязаное покрывало и набросила мне на ноги.

– Кстати, насчет графа...

– Завтра! Все завтра, Сонечка, – улыбнулась она и коснулась поцелуем моего лба. – Модест Давидыч наказал от-

дышать, а я тебя тут разговорами томлю. Поспи. Авось проснешься и все сама вспомнишь.

Я не была так в этом уверена, да и устать толком не успела. Но спорить не решилась. Кивнула, дождалась, когда за старушкой закроется дверь, поднялась и подошла к висящему на стене зеркалу.

Долго не решалась взглянуть. А когда все же набралась храбрости, выдохнула с облегчением.

Я. Это была я.

Только волосы, которые обычно ношу обрезанными по шею, сейчас струились длинными локонами до самой талии. Бледность и болезненная худоба исчезли. Щечки розовые появились. Блеск в голубых глазах.

Похоже, здешняя Соня, в отличие от меня, вела здоровый образ жизни.

Взгляд опустилсЯ ниже, к лифу модного – века так два назад – голубого платья. Ладонь прошлась по висевшему на груди бантику. Указательный палец угодил в углубление. Дырочку... с обугленными краями.

Понимание обрушилось, как снежная лавина на голову. Тут же расставляя по полочкам все случившееся.

– Сонечка, Сонечка. И кому же вздумалось тебя... убить?

Глава 2, Где кашу салом не испортишь.

– Софья Алексевна... барышня, – раздался над ухом чей-то назойливый голос. А после, меня охватило странное чувство дежа вю. Будто я уже просыпалась в похожих обстоятельствах. Вот совсем недавно. И произношение это деревенское... знакомым кажется.

Разлепив глаза, я уставилась на склонившуюся надо мной девушку.

Взгляд озабоченный. Морщинка между хмурых бровей. Круглое, белое лицо. Щеки слегка изъедены оспинами. Длинная светлая коса обхватывала голову, наподобие короны. Коричневое платье. И, поверх него, белый фартук.

Если память мне не изменяет – а это сейчас под большим вопросом – ее зовут Глаша. А полностью... Глафира или Аглая? И если спрошу, не будет ли это странно?

– Софья Алексевна, родненькая, живы! Ей-богу, живы! – отскочив от меня, она всплеснула руками и тут же прижала ладони к груди, будто пытаюсь успокоить сбивчивое дыхание. – Вот тетушка ваша обрадуется. У ней чутка припадок нервический случился. Думали за дохтуром посылать.

– Что произошло?

– Дык вы все дремлите и дремлите. День прошел, ночь

прошла... А у Инессы Ивановны сердце. Ей пужаться невозможно. Вот я и решилася до вас добудиться. Ежели вы, Софья Алексевна, отзавтракать изволите, то стол уже накрыт. Токмо вас дожидаемся.

Что самое странное, я совершенно не помнила, как уснула. Лежала на кушетке, в нарядном платье. А сейчас огляделась – незнакомая спальная комната. Огромная кровать, вся в мелких розовых подушках. Трюмо, шкаф, сундук в углу. Откинула одеяло – на мне белые хлопчатобумажные шорты до колен – панталоны? – и короткая сорочка из той же ткани.

Не слабо я головой приложилась.

Кто перенес меня и успел раздеть? Лучше не уточнять. Пусть это будет Глаша.

Приняв сидячее положение, я потянулась. Девушка, между тем, подошла к сундуку, открыла крышку, залезла чуть ли не с головой и начала там рыться.

– Вы, барышня, коли на променадь свой утренний соберетесь, в тепле себя держите. Погода нонеча ясная, да морозец зимний дюже кусучий. Я и платье вам поплотнее подберу.

– Не нужно, Глаша, – проследила я взглядом за ее спиной. – Я сама справлюсь. А вы ступайте.

– Сама? – резко выпрямившись, она повернулась ко мне и уставилась огромными, как два блюда, глазами. – Да как же это можно то, Софья Алексевна? Аль чем не угодила вам? Вы токмо скажите...

Черт, чувство такое, будто ребенка наотмашь по щеке уда-

рила. А ведь хотела как лучше.

– Всем угодили, – вымучила я улыбку. – Просто не привыкла я одеваться при посторонних.

– Да какая ж я вам посторонняя, барышня? Вчерась еще на смотрины вам платьице выбирать подсобляла. Его сиятельство глаз оторвать не мог.

– Вы, наверное, в курсе, что у меня амнезия?

– Чаво? – нахмурилась она.

– Память я потеряла, не помню ничего, – чуть ли не по слогам объяснила я.

Девушка тяжело вздохнула и посмотрела на меня с жалостью.

– Дырявая моя голова. Инесса Иванна еще вчерась предупредить изволила, да я позабыть успела. Простите, барышня, дуру грешную. Вы же знать не ведаете, кто я буду такая. Посторонняя, как есть.

– Вы ни в чем не виноваты, просто я немного смущаюсь. Покажите, пожалуйста, где у вас... у меня тут что лежит и ступайте. А если тетушка спросит, скажите – скоро приду.

На том и порешили.

Правда, рано я радовалась.

Приняв ванну – благо в этом времени они мало чем отличались от привычных двадцать первому веку – я стала разглядывать детали гардероба, которые Глаша, прежде чем уйти, заботливо разложила на кровати. И задумалась – а не позвать ли ее обратно?

Ну и что, что увидит голой, я же не чудище какое, в самом деле? А вполне себе симпатичная девушка. И стыдится мне нечего.

Нужно ли снимать сорочку? А панталоны? Куда крепятся чулки? А это что такое? Нажопник на юбке?

Половину из предложенного, чье предназначение я так и не расшифровала, я спрятала обратно в сундук. Первым примерила корсет. Смерть от удушья в мои планы не входила, а потому сильно затягивать не стала. Затем корсаж, к которому с помощью подтяжек крепились шерстяные чулки. И наконец нырнула в первое попавшееся в шкафу зеленое платье из шелка, с рукавами буфами. Закончила приготовление кожаными сапожками на шнуровке.

Пока кружилась перед зеркалом, волосы успели высохнуть. Расчесала, заколола по бокам хитро сделанными шпильками, которые нашла в верхнем ящичке трюмо, вышла из комнаты... и попала в сказку.

Картины на стенах, ковровая дорожка, старинная мебель, роскошное убранство – все это создавало атмосферу нереальности. Будто я все еще сплю и вижу сон. И поверила бы. Если бы не запах выпечки, который вывел меня в общую гостиную со стоящим в самом центре круглым столом.

– Сонечка, милая! Радость-то какая! – читавшая газету Инесса Ивановна подскочила со стула и бросилась ко мне. Схватила за руки, подвела к месту напротив, усадила и захлопала в ладоши. – Глаша, все в сборе, накрывай на стол.

Девушка будто все это время за дверью пряталась. Не успела старушка отдать приказ, как она ворвалась внутрь с подносом наперевес и начала расставлять пышущие жаром блюда. От обилия которых у меня аж глаза разбежались.

Фрукты от ананасов до яблок. Несколько видов пирожных и пирогов. Растопленный шоколад, сдоба, варенье. Блины, колеты, зеленый крем-суп.

И как при таком обильном завтраке мы с тетушкой умудрились сохранить фигуры и все еще пролезаем в двери? Или не обязательно есть всё? А повар не обидится?

– Откушайте, барышня, ваше любимое! – улыбаясь до ушей Глаша придвинула ко мне тарелку с тем, к чему бы я и голодная не прикоснулась.

Гречневая каша. Фу. С детства ее терпеть не могу.

– Если честно, я не то, чтобы сильно...

– Не по нраву? – испугано вскинулась Инесса Ивановна.

– Вы ложечку токмо спробуйте, барышня, – взмолилась девушка. – Я ж старалась...

Черт, ну и как ей откажешь? Может, если задержу дыхание, получится проглотить?

Шумно выдохнув, я куснула содержимое ложки и удивленно охнула. Как же вкусно! Кажется, в жизни ничего лучше не пробовала. Гречка просто таяла во рту.

За первой, пошла вторая, третья, четвертая. Аж за ушами трещит. И чем больше я ела, тем шире становилась улыбка на лицах обеих женщин.

Может я сильно голодная? Да не сказать чтобы очень.

– Это просто объедение! Как вы ее готовите?

– Дык на свежем салце, Софья Алексевна. В горшочке, с грибочками, жареным лучком. Потомить ночку и с пылу с жару, родимую, прямо на стол.

Каждое блюдо Глаша презентовала так, что и у мертвеца бы слюнки потекли. Что уж говорить о моем, вполне себе живом и растущем организме?

Каша, блины, суп. Уплетая за обе щеки, я едва не била себя по рукам, чтобы не тянуться за добавкой. И только когда пришел черед ароматного чая, из душицы, зверобоя и мяты, смогла перевести дух.

Приятное разнообразие, учитывая, что мой обычный завтрак проходил куда как скромнее, и состоял из чашки растворимого кофе и куска пережаренного тоста.

В голове наконец-то прояснилось. Мысли выстроились в слаженную цепочку. Созрели важные вопросы. Да и у тетушки, раздобревшей от свежеиспечённых булок, появилось явное желание поболтать.

– Сонечка, как твое здоровьице? Не послать ли за Модестом Давидычем? – заботливо поинтересовалась она, и склонила голову к правому плечу.

Такая одинокая, хрупкая, но не сломленная. Мне хотелось ее утешить. Обнять. Убрать печаль из вопросительного взгляда. Но и врать я не могла.

Проглотив застрявший в горле кусок черничного пирога,

я запила его чаем.

– Не нужно никого никуда посылать, Инесса Ивановна. Память не вернулась, но чувствую я себя намного лучше. Если вы не возражаете, я бы хотела задать вам несколько вопросов.

Тетушка – по-другому я ее почему-то уже не воспринимала – улыбнулась и кивнула.

– Да чего ж мне возражать? Спрашивай, коли надо.

Эх, если бы вы знали как сильно надо. Вопрос буквально жизни и смерти.

– Скажите, может вы знаете, кто-нибудь из ваших... наших общих знакомых желал Со... мне зла?

Зря я, наверное, вот так, без подготовки. Старушка, не ожидая подобного поворота, вдруг подавилась и закашлялась. Пришлось потянуться вперед и хлопнуть ее по узкой спине. Полегчало.

Глаша поднесла стакан воды, глотнув которую, Инесса Ивановна подняла на меня полный ужаса взгляд.

– Сонечка, милая моя деточка, да что ж это такое? С чего кому-то желать тебе зла?

Хороший вопрос.

– Я же не святая, Инесса Ивановна. Может кому не угодила? Дорогу перешла? Мне не угрожали? Может, записки, странные телефон... кхм... разговоры не слышали?

– Бог с тобой, милая. Скажешь тоже! – махнула рукой старушка. – Да добрее тебя в цельном мире никого нет. Комара

ни в коем разе не прихлопнешь. Муху не смахнешь. Уличных кутят и котят привечаешь, подкармливаешь. Каждому помочь спешишь. А тихоня, каких свет не видывал. Дай волю, забьешься в уголок, с пяльцами, али пряжу мотая, и не услышишь, не найдешь. Да и знакомцев, с кем разговоры заводить у тебя не имеется. Подружек из гимназии по городам и весям раскидало. Знаю, что с дочкой Синекишкинских списываешься. Об чем не читала. Но будь там что худое, ты бы скрываться не стала.

Слушая описание моего двойника, я все отчетливее понимала, что мы разнились как небо и земля. И списать эти отличия на амнезию будет ой как не просто.

– А что насчет моего жениха? Он же вон, целый граф. Молодой. Не бедный. Может я его отбила у кого? Ревнивые невесты к нам в дом, случайно, не приходили?

Лицо Инессы Ивановны вытянулось до невероятности.

– Сергей Данилович – честнейший человек. Он наш ближайший сосед и вырос на моих глазах. Да, миллионщик. При титуле. Ну дык, и ты у меня знатного роду. Слава богу, не бедствуешь. Будь у него невеста, неужто я б не знала и помолвке бы вашей способствовала?

– А как давно мы с ним знакомы?

– Почитай, всю жизнь, да не виделась долго. Он в столице бобылем долго крутился, при министерстве служил, а нынешней весной возвратился, увидел тебя и прислал матушку, благословения просить. Тебе он по сердцу пришелся, так

чего мне препоны чинить?

Любовь с первого – после длительного расставания – взгляда? Что-то не верю я в такие чудеса.

– А вчерашние гости, это родственники с его стороны?

– Не все. Лишь ее сиятельство Акулина Никитишна Бабишева-Бортникова, матушка Сергея Даниловича, да Ефим Ефимыч Бортников, ее нынешний муж.

– А остальные?

Тетушка задумалась и принялась загибать пальцы.

– Еще была Градислава Богдановна Соловицкая, крестная твоя. И мои давние приятельницы – Амалия Генриховна Режицкая и Наталья Андревна Задашная. Еще малюткой тебя на руках качали.

Мечтательно улыбнувшись, она наклонилась ко мне и погладила по предплечью.

– Полно тебе, Сонечка, о худом думать. Любят тебя все. И я, и Сергей Данилович, и соседи наши, и Глаша с Тишкой.

– Инесса Ивановна, еще один последний вопрос и я оставлю эту тему, клянусь! Скажите, пожалуйста, а в случае моей... смерти, кому перейдет все наследство?

Старушка резко побледнела и схватилась сердце.

– Глаша, настой мне пустырниковый неси! Не сдюжу я! – вездесущая Глаша прибежала с подносом, на котором стояла одна единственная рюмка с желтой жидкостью. Поставила ее перед тетушкой и не ушла, пока та не опрокинула ее в себя.

Резко выдохнув, Инесса Ивановна окинула меня укориз-

ненным взглядом.

– Совсем не щадишь ты меня Сонечка.

– Тетушка, ну ответьте, пожалуйста, кому?

– Братцу твоему четвероюродному по бабушке, Ивану Микитичу Полозову. Об нем не спрашивай. Не ведаю ничего. Вродесь, с женой и детишками в столице живет. Не бедствует.

Первое правило криминалистики – ищи кому выгодно, а значит придется хорошенько потряси нового родственника. Позже.

Пока я переваривала новую информацию, раздался стук.

Глаша ворвалась в гостиную с таким лицом, будто в доме начался пожар. Я даже принялась, вдруг и вправду где полыхнуло? Ее собранные на макушке косы растрепались. Щеки покраснели. А в глазах горел безумный огонь.

– Барыня, его сиятельство пожаловали. Принять просят.

– Сергей Данилович? – удивленно воскликнула Инесса Ивановна. – Тебе ж говорено было передать гостям, мы эти дни не принимаем. Сонечке нездоровится.

– Вот вам крест, барыня, – Глаша осенила себя крестным знаменем. – Слово в слово казала. Графьям дюже волнительно было. Пообещались с визитами повременить.

– Да верю, верю, – махнула на нее старушка и тяжело вздохнула. – Чо уж теперича? Зови...

– Агась.

Жених... мало чем отличался от себя вчерашнего. Такой

же красавец. При параде. Только пиджак вместо черного темно-зеленый надел. Тот оттенял его белые кудри и светло-карие глаза, выгодно подчеркивая ширину плеч и подтянутую фигуру.

Не входи он в мой список подозреваемых, любовалась бы и любовалась. А так... Интересно, для чего ему трость? Хромать, не хромал. Опирается не торопился. А может и не трость это вовсе? Не мешало бы проверить.

– Инесса Ивановна, Софья Алексевна, – он учтиво кивнул и выпрямился, как струна. – Вы прекрасны как день.

– Ваше сиятельство, – старушка тепло улыбнулась и протянула ему ручку для поцелуя. А за ней пришел и мой черед. И если тетушку он долго не мучил, меня из плена своей хватки выпускать не спешил. – Признаться, мы не ждали гостей. Софья все еще...

– Покорнейше прошу простить за столь ранний визит, Инесса Ивановна, но сердцу было беспокойно. Решился заглянуть. Так сказать, по-соседски. Узнать, как здоровье, не требуется ли помощь?

Какой учтивый. И язык подвешен, будь здоров. Политесы вон какие разводит. Даже тетушка покраснела. Только мне в эту заботу с трудом верилось. То ли чутье проснулось, о котором еще на первом курсе Глеб Севастьянович, наш преподаватель теории криминалистики, рассказывал? То ли я просто не выспалась и капризничаю?

Расслабься, Леденцова. Стрелять в тебя сейчас никто не

собирается.

– Сергей Данилович, родной, – запричитала тетушка. – Да разве ж вам требуется позволение для визиту к невесте? Мы рады видеть вас в любом часе. Присаживайтесь, отзавтракайте с нами.

– Благодарю, но я не голоден.

Он продолжил стоять. Переминаясь с ноги на ногу. Но не так, будто хотел в туалет, а словно было что сказать, но не решался. Или приглашения особого ждал? Кто их разберет?

Инесса Ивановна видимо тоже заметила странное поведение гостя.

– Как поживает ваша матушка, Сергей Данилович? Помните, Акулина Никитишна на боли головные жаловалась. Все ли с ней хорошо?

– Вполне. Модест Давидович прописал ей солевые компрессы. Она их весьма хвалила... – глаза загорелись. Кажется, решился. – Инесса Ивановна, не смею настаивать, но не будете ли вы так любезны отпустить Софью Алексевну со мной на конную прогулку в Перемейский парк? На улице нас уже ждет моя новая пролетка с четвериком караковым шетлендской породы. Мне давеча приятель из столицы подарок передал. Все никак не испробую.

Старушка заметно напряглась и принялась заламывать руки.

– Я, право, не знаю. Дражайший Модест Давидыч строжайше велел...

И долго они собираются обсуждать меня, не обращаясь напрямую к адресату? Будто тумбочка тут стою, честное слово. Дело в возрасте, или девушки в этом веке изначально бесправные существа? Я на это не подписывалась...

– Инесса Ивановна, – я поднялась из-за стола и поправила подол задравшегося платья. – Я прекрасно себя чувствую. И была бы рада прокатиться вместе с графом. А Модесту Давидовичу мы ничего не скажем. Правда?

Я подмигнула ей и перевела взгляд на нахмурившегося жениха. Ну чего еще? Тихоня Сонечка никогда не влезала в чужие разговоры? Привыкай Сереженька. Иначе счастья нам с тобой вовек не видать.

Глава 3, Где не все что летает имеет крылья.

После жарко натопленного дома, декабрьский мороз на улице казался всего лишь освежающей прохладой.

Несмотря на согревающие меня соболиный полушубок и шапочку, Сергей настоял на том, чтобы накрыть мне ноги меховой накидкой. И уже через несколько минут нашей увлекательной поездки, я была ему за это безмерно благодарна.

Звенели бубенцы. Из-под копыт четверки лошадей поднималась снежная буря. А каждый поворот грозил вылетом в сугроб.

Легкая, четырёхколёсная коляска резво неслась по людной улице. Лихой кучер, не жалея сил, с криком «поберегись», расчищал дорогу от зазевавшихся пешеходов.

Где-то в отдалении гудели колокола. Ярко светило солнце. Небо не омрачало ни единой тучки. Солнечные зайчики скакали по крышам деревянных домов, заглядывали в окна и заставляли весело щуриться.

В воздухе витало ощущение праздника, которое я списывала на собственное приподнятое настроение. Пока мы не выехали на главную площадь, которую Бабишев, не знаю за какие такие заслуги, назвал площадью «Трех Карманов».

По кругу были разложены костры. А рядом люд от мало до велика следил за жарившимися на вертелах тушами баранов, свиней и птицы. В лотках продавали бублики и калачи. Дети хвастали друг перед другом сахарными петушками и смотрели кукольное представление. Женщины примеряли шерстяные шарфы. Мужчины тянули канаты. И все это под дружный смех и песни.

На мой вопрос, что здесь происходит, Сергей сначала нахмурился. Потом, видимо, вспомнил о мой «болезни», расслабился и улыбнулся.

– Так к ярмарке новогодней готовятся, Софья Алексевна. Недолго, почитай, осталось.

Если это подготовка к ярмарке, то что же тут будет в Рождество? Обязательно проверю. Если, конечно, сверхъестественные силы, притащившие меня сюда, не откатят все обратно.

Вскоре дорога вышла в парк. Тот был как бы общим, но принадлежал живущим в столице князьям Перемейским. От них и получил свое название.

Шумный. Красивый.

Белые ели стояли, словно в пуху. Снегири, перелетая с ветки на ветку, смахивали крыльями снег. Такие же, как у нас, коляски с запряженными в них тройками и четверками лошадей катались вдоль и поперек.

Некоторые из пассажиров, как будто знакомые с графом или моим, почившим в бозе, двойником, махали и здорова-

лись, проезжая мимо. Не желая прослыть невежей, я отвечала им милой улыбкой, а особенно дружелюбным – кивком.

Но все равно вздохнула с облегчением, стоило нам с графом заехать в самую глушь. Скрывшую от посторонних глаз и предоставившую мне отличный шанс начать «допрос».

– Сергей Данилович, – добавив в голос томно-капризных ноток, я повернулась к своему жениху. – А как вы смотрите на то, чтобы оставить вашу... пролетку и немного здесь прогуляться? Ноги размять? Свежим воздухом подышать?

– Ежели на то ваша воля.

Он прикрикнул и махнул рукой кучеру, подавая тому знак остановить коляску. Затем помог мне выбраться на снег и, придерживая за ручку, повел за собой по узкой дорожке.

– Прекрасная погода. Как раз для романтических прогулок, не находите? Наверное, у нас свами их было не мало? – вышло немного топорно, ну так и я не мастер словесности.

Сергей замялся. Крепко сжал трость. Опустил глаза в землю. Цвет лица сделался бордовым, как переспелый помидор. Рот долго не открывал. Видимо, подбирал слова. Но я уже поняла, что романтикой в этом союзе не пахло.

– Вынужден признаться, Софья Алексевна, это первая наша с вами прогулка. Не поймите превратно, я не всегда бываю предоставлен сам себе. Дела семейные отнимают большую часть моего личного времени.

– Конечно, я все понимаю, – улыбнувшись, кивнула я, ничего, толком, не понимая. – А почему сегодня вдруг измени-

ли своим планам?

Граф тяжело вздохнул.

– После вчерашнего происшествия, когда я нашел вас без сознания, на холодном полу... Я всю ночь не мог уснуть, на сердце было беспокойно. А к утру осознал, насколько непостоянной бывает судьба. Последствия могли быть плачевными, а мы даже не знаем друг друга так, как положено будущим супругам.

В глубине его глаз блеснули яркие искры, заставившие меня напрячься и отступить. Незаметно. Сделав вид, будтоправляю юбку.

– О чем вы, Сергей Данилович?

– Простите, ежели напугал вас, Софья Алексевна, – нахмурился он, явно заметив мое замешательство и настороженный взгляд. – Я не мастер подбирать слова. А порой и вовсе бываю косноязычен. Министерская служба, понимаете ли, не для романтиков и поэтов. Я всего лишь хотел бы узнать вас получше. Ваши вкусы и предпочтения. Те две встречи, что имели место в вашем доме, под присмотром вашей дражайшей тетушки, были изрядно коротки и малосодержательны.

– О чем же мы с вами говорили?

– О мечтах, – он поднял голову к небу и смущенно улыбнулся. – Вы, обычно тихая и спокойная, тогда так увлеченно и страстно рассказывали о своем желании путешествовать. Увидеть окружающий нас мир...

Звучит напыщенно, будто девиз для благотворительного бала по сбору средств для больных чахоткой.

Что же ей мешало при таких деньгах? Вряд ли Инесса Ивановна была бы против.

– Сергей... Данилович, простите за нескромный вопрос, а почему вы вдруг решили сделать мне предложение? Я уверена, выбор у вас большой. Любая была бы рада выйти замуж за графа.

Когда Бабишев удивленно захлопал глазами, я поняла, что перегнула. Но сказанного назад не воротишь, а потому потупилась, как приличествует скромной барышне и продолжила ждать ответа.

С небольшой паузой, но он последовал.

– Признаться, вы застали меня врасплох, – нахмурился мужчина. – Знаете, я всегда полагал, что куда проще быть одному. Забот никаких. Делай, что твоей душевке угодно, не перед кем держать ответ. Жил бобылем. Домой приходил, дабы поспать, переодеться в чистое, чаю попить в выходной день, когда министерский дом бывал закрыт. А потом в один момент осознал – довольно. Уволился со службы, вернулся в родной Китеж и попросил маменьку помочь найти невесту достойную. У ней сомнений не было, кого выбирать.

Произнося последнюю фразу, он окинул меня многозначительным взглядом, и так хитро прищурился, что не уловить намек было невозможно.

Смутить, видно, хотел. И та, другая Сонечка, однозначно

бы смутилась. Но не я...

– Как резко вы изменили жизнь. Не страшно было?

Бабишев устало улыбнулся и пожал плечами.

– Что может напугать современного человека, живущего в столице в конце просвещенного девятнадцатого века?

Хм, не знаю. Знакомство с человеком из двадцать первого?

– Ага, понятно. Выходит, союз наш не по любви... – захотелось издать горестный вздох, для полноты картины «барышня в унынии», но решила не борщить. Графу и так не по себе. Идет рядом, руки заламывает. На лице вся скорбь мира отражается.

– Вы не подумайте, Софья Алексевна. Я проникся к вам с первого взгляда. Вы прекрасная, нежная, милая барышня. Не чета взбалмошным ровесницам. У тех лишь побрякушки да тряпки в голове. А вы о высоком мечтаете. К небушку тянетесь...

Спасибо, дотянулась. Теперь бы еще злодея найти, который ее в это самое небушко...

Продолжая петь мне оды, Бабишев вывел нас на еще более узкую тропинку, где, куда не глянь, не видно ни души. Птицы умолкли. Утро резко сменилось сумерками. И виной тому густые кроны деревьев, что не давали пробиться солнечным лучам.

Я отстала на шаг. Одернула юбки.

Идеальные условия для ловли на живца. Момент, ради ко-

торого я и затеяла всю эту пешую прогулку. Лучшего места женишку не найти. Если и заканчивать, начатое вчера, то только в этой глуши.

Картина маслом.

Кровавый убийца. Не сильно, впрочем, похож, но чего только не бывает. Беззащитная жертва. Ну как беззащитная... Я нащупала в кармане полушубка заранее припрятанный там столовый нож. Крепко сжала рукоятку. И стала ждать.

Граф нападать не спешил. Он будто и вовсе не заметил моего отставания. Идет, размахивает руками, о чем-то рассказывает. Уже и деревья проредились. Парк снова осветило солнце. Послышались крики извозчиков.

Кажется, я обозналась и это не он. Либо... с потерей памяти я стала для него безобидной?

Черт, столько вопросов и ни одного ответа.

– Софья Алексевна, в Борсуковском театре в эти выходные дают «Щелкунчика». Я был бы счастлив, ежели бы вы согласились составить мне компанию.

– Что? – захлопала я глазами, за своими мыслями, не уловив его вопроса.

Сергей остановился и медленно повернулся ко мне. Идеальный лоб пересекла мелкая морщинка.

– Я говорю, что был бы счастлив, ежели бы вы позволили сопроводить вас в театр...

– Ах, да, конечно. Спасибо за приглашение.

Услышав положительный ответ, Бабишев облегченно выдохнул, расплылся в довольной улыбке, подошел ко мне и взял под руку.

Похоже, убивать меня сегодня не будут. Не могу сказать, что сильно огорчена.

Граф очень быстро вывел нас на широкую дорогу и, попросив меня не сходить с места до его возвращения, ушел на поиски нашей коляски.

Людской поток заставил меня отступить к деревьям. Снег скрипел под сапожками. С ветки вспорхнула стая воробышков. Услышав их чириканье, я обернулась. Как раз вовремя, чуть не наступила на бревно. Пнула его слегка. И с визгом отпрыгнула назад.

От земли к ближайшему дереву поползла тень. Отделилась. Зависла в воздухе. Замерцала, приобретая полупрозрачные очертания молодой женщины.

Ее длинные волосы были собраны в небрежный пучок. Приятные черты лица. Расстёгнутый полушубок. Того и гляди соскользнет с плеч на землю. Платье с уж слишком вольным для этого века – да и погоды – декольте развевалось по ветру.

Я с трудом сглотнула застрявший в горле ком и упала на колени.

Образ призрачной незнакомки пошел рябью. То норовя исчезнуть, то становясь чересчур плотным. Выпучив глаза, она уставилась на меня. Будто не веря, что я действительно

ее вижу.

Ее пухлые губы сложились в букву «О». А уже через мгновения она заговорила. Быстро-быстро. Но вместо слов до моего уха доносился лишь отдаленный гул.

Это галлюцинация? Мираж? Побочка от выстрела?

Я зажмурилась, тряхнула головой, но привидение никуда не делось.

Да какая, к черту, разница?

Резко вскочив на ноги, я бросилась бежать. Но не сделала и пяти шагов, как упала в объятия идущего ко мне на встречу мужчины.

– Софья Алексевна? Да на вас лица нет!

Слава богу, Бабишев.

Переведя дыхание, я кивнула.

– Что-то голова закружилась. Отвезите меня, пожалуйста, домой?

Подгоняемый графом, кучер направил лошадей по короткому пути. Минуя площадь и еще несколько улиц, что мы проезжали утром.

Время близилось к обеду. Погода разыгралась не на шутку. Небо резко заволокло тучами. Ветер бил в лицо холодным снегом, заставляя меня шуриться и все сильнее кутаться в теплую накидку.

Бабишев тоже пытался спрятаться от холода. Постоянно ежился и придерживал затянутыми в перчатки руками меховой воротник зимнего пальто.

И только плывущая над пролеткой призрачная женщина, которую я, справившись с первоначальным шоком, упорно старалась игнорировать, даже не подумала застегнуть свой не менее прозрачный полушубок.

Говорить она больше не пыталась. Руками не размахивала. Но всякий раз поймав на себе мой взгляд, переходила из статики в состояние вибрации и колыхания.

На мою попытку отогнать ее руками, как назойливую муху, лишь удивленно приподняла соболиные брови и продолжила преследование.

Граф ее, определенно, не видел. Кучер тоже. А значит... вчерашняя травма головы не прошла без последствий.

– Тпру!

Подъехав к крыльцу знакомого дома, лошади резко остановившись. Сергей помог мне сойти на землю, проводил до двери и, подняв на меня печальный взгляд, приложился к ручке.

– Софья Алексевна, прошу, не сердчайте. Полагал, свежий воздух пойдет на пользу, а оно вона как вышло. Ежели б знал...

– Ничего страшного. Просто легкое головокружение, – легкое – это я погорячилась, в кружащей над нашими головами даме килограмм семьдесят, не меньше. – Я благодарна вам за прогулку. Она действительно пошла мне на пользу.

– Тогда разрешите откланяться. Рассчитываю завтра увидеть вас вновь.

Надежда на то, что призрак увяжется за графом, а не за мной, рассыпалась прахом, когда сквозь открывшую мне дверь Глашу, в коридор вплыла прозрачная тень и зависла над потолком.

– Барышня, эго вы к часу успели. Инесса Иванна просила доложиться, как прибудете, дабы стол к обеду накрывать.

– Прости, Глаша. Что-то я устала после поездки. Голова разболелась. Есть совсем не хочется. Я пока вздремну. Передай Инессе Ивановне, пусть обедает без меня.

– Нездоровится? Дык дайте я Тишку за дохтуром пошлю?

– Не стоит. Мне просто нужно поспать.

Девушка заметно скисла, но спорить не стала. Поклонилась и исчезла в одной из комнат.

Сон долго не шел. И причиной тому было не отсутствие желание, а летающее по моей комнате наглое привидение.

Передразнивая висевшие на стене часы, оно повторяло за секундной стрелкой – тик-так, тик-так. Выходил все тот же гул, но в замкнутом пространстве он звучал так пугающе, что даже мне, с моими железными нервами, становилось не по себе.

В конечном итоге я все же провалилась в черную дыру, а когда снова разлепила глаза в спальне было темно.

Огляделась.

Тишина. Никого.

Обрадовавшись, что галлюцинация исчезла, я вскочила на ноги и поправила помявшееся платье. Зажгла стоявшую на

столе лампу. Взяла ее в руку и поняла, что, за все это время, так и не исследовала комнату, где жил мой двойник.

Шкаф с одеждой. Сундук с бельем. В тумбочке томик романтических стихов. Под кроватью пусто. А вот под матрасом меня ждало долгожданное открытие – исписанная от руки тетрадь. В простонародье – дорогой дневник.

*«Тобой живу, тебя любя,
Ах, как же злюсь я на себя
От страха не найти мне слов,
Зачем нужна ты мне – любовь?»*

Я, конечно, тот еще ценитель поэзии, но прочитав несколько страниц подобных «шедевров», уже не сильно удивилась незавидной судьбе своего двойника.

Сплошные любовные сопли. Сердечки на полях. Оды глазам, волосам, губам мужчины, из которых, если собрать воедино, вырисовывался вполне себе определённый портрет графа Бабишева.

«Я отобедала. Я вышла на прогулку. Я сходила в туалет».

Последнего в дневнике не было, но я вполне могла додумать. Сониная жизнь протекала монотонно, радуя разве что меняющимися нарядами и картинами окружающей природы.

Я уже хотела закрыть тетрадь, но глаз зацепился за нехарактерный взрыв эмоций на последней странице. Так-так-так... это уже интересно!

«Она снова докучала мне своим обществом на вечере у Корниловых. Грозилась написать в газеты, предать огласке... Успокоилась бы уже! Видит бог, маменьку с папенькой этим не вернешь».

Что там за дама, интересно? И чем она грозила Соне? При чем тут ее погибшие родители? Может Инесса Ивановна в курсе? Спрошу, как предоставится шанс.

Пока я ломала голову, в желудке начало урчать, напоминая о пропущенных обеде и ужине. Спрятав тетрадь обратно под матрас, я поднялась, взяла лампу и направилась на поиски ночного перекуса.

В доме царил тишина. Лишь под ногами скрипели половицы. Я минула гостиную, где проходил сегодняшней завтрак. Нырнула в комнатку, откуда с подносом появлялась Глаша. И оказалась на кухне.

Металлическая печь в углу еще не успела остыть и излучала тепло. Деревянные шкафы были забиты посудой. Холодильника, или чего-то похожего на него, не наблюдалось. Как и остатков ужина. Где они хранят продукты?

Ноздри раздувались, улавливая запах копченостей. Наконец, глаз зацепился за свисающую с потолка палку колбасы. Я схватила лежащий на столе нож, отрезала половину, села на стул и откусила большую часть.

Тут-то меня и поймали.

Внезапно зажегшийся свет заставил меня ненадолго замуриться. В проеме застыла одетая в длинную ночную рубашку фигура. Чей голос явно принадлежал моей тетушке.

– Сонечка, да разве ж можно то? – всплеснула она руками и крикнула в коридор. – Глаша!

Девушка будто караулила за углом. Залетела на кухню простоволосая, в такой же длинной и белой рубашке, с накинутой на плечи шалью. Охнула и исчезла, чтобы появиться через минуту, уже с косой и в форменном платье с белым фартуком.

– Блахародная барышня, а крадетесь аки тать в ночи, – покачала она головой. – Меня б кликнули. Я б живо на стол собрала.

– Не хотела беспокоить, – пожала я плечами, наблюдая как из подсобного помещения, откуда на кухню валил белый пар, принялись выносить подносы с едой.

Я попыталась заикнуться о бутерброде с колбасой и сыром, но Глаша была неумолима. Усадила меня за стол, напротив тетушки, и начала расставлять тарелки, с придыханием комментируя каждое лежащее на них блюдо.

– Испробуйте икорки осетровой, барышня. На хлебушек, да пожирнее. Груздочки соленые. Я сметанки не жалела. Судак заливной, да с балычком жаренным. Холодец накладывайте, говяжий. Пальчики оближите. Щас еще борщец принесу. Ах, голова садовая, там же утка томится! Утка с репой!

У меня, кажется, даже слюна по подбородку потекла. Бла-

го никто не заметил. Девушка убежала обратно в подсобку, что служила в доме холодильником, а тетушка с упоением икру по хлебу размазывала.

И откуда у нее, спрашивается, такая осиная талия? Вот бы и мне гены передались. А то я, такими темпами, в колобка за неделю превращусь.

Только я потянулась вилкой к холодцу, как воздух над Инессой Ивановной пошел рябью. А через мгновение уплотнился, превращаясь в призрачный образ порядком надоевшей мне женщины.

Ее лицо выражало тоскливую скуку. Руки были скрещены на выдающейся груди. А в брошенном на меня вскользь взгляде читался немой вопрос: «снова ты?»

Я едва удержалась, чтобы не выругаться. Хлопнула ладонью по столешнице. Тряхнула головой. Но призрак никуда не делся. А вот в глазах тетушки забрезжило беспокойство.

– Сонечка, что-то ты сбледнула. Все ли хорошо?

– Инесса Ивановна, подскажите, а нет ли у вас поблизости психиатрической клиники?

Охнув, тетушка подпрыгнула на месте и принялась обмахиваться ладонью.

– Для душевнобольных? – с испугом поинтересовалась она.

– Ага.

– Имеется, но далече. На другом конце Китежа. А тебе оно зачем, милая?

– Да так, на консультацию, думаю, сходить. Все же амнезия дело такое... толком не изученное, – протянула я, не сводя взгляд с невидимой для остальных знакомой. – Сниться всякое. Будто привидения по дому гуляют. Вы, случайно, не знаете, как приметы велят с ними ладить?

– Хм, – задумалась старушка, подтягивая к себе блюдо с рыбой. – Простить изволь, но тут я тебе, Сонечка, не помощница.

– А вы, Глаша?

Девушка уперлась кулаками в дородные бока и подняла голову к потолку.

– Домовых, знаю, надобно конфетами задабривать. Для русалок пряжу оставлять на берегу. От болотного царя невинной девой откупаются. А вот об призраках... не ведаю ничего. Но призраки это кто? Суть их – мертвец. Невинно убиенная душа, что на земле мается. Покоя сыскать не может. Али дело у него осталось. Али заботы, кручины какие...

Я задумалась.

Выходит привидение – это неупокоенный дух. Люди его не видят, а вот мне, почему-то так не повезло. Причина, почему она за мной увязалась – ясна. А вот чего же она от меня хочет? Упокоиться?

Так-так-так. Вспоминай, Соня, что там было?

Парк. Обочина. Бревно. А ведь я под него даже не заглянула...

Я подняла голову, поймала на себе взгляд женщины и про-

шептала одними губами.

– Там, в парке, твое тело?

Выпучив глаза, она усиленно закивала и начала что-то гудеть мне в ответ. Но я уже не слушала. Отодвинула от себя тарелку с холодцом. Промокнула чистые губы салфеткой. И повернулась к тетушке.

– Что-то я наелась. Пойду, вздремну.

Глава 4, Где спящих красавиц не добудиться

– Да прекрати ты гудеть, – шикнула я на призрака, осторожно крадясь к выходу.

Шерстяное платье так и норовило за что-нибудь зацепиться. В заранее надетом полушубке, было нестерпимо жарко. Еще и эта... Руками машет, глазки пучит, подгоняет. Аж в ушах звенит.

Помня, какой острый слух у моих домочадцев, я около двух часов лежала в кровати, ожидая, пока все уснут. Одевалась медленно, стараясь лишний раз половицы на прочность не испытывать. Сапожки несла в руке.

А все равно, стоило выйти в прихожую и начать обуваться, как задела какую-то шкатулку. Та со стуком упала на пол и, чтобы не попасться на месте преступления, я со всех ног бросилась бежать.

Открыв засов, я выскользнула за дверь. Заранее обняла себя руками, спасаясь от холода. Но погода, которая еще днем обещала буран и вьюгу, вдруг к ночи унялась.

Ветра почти не было. Снег перестал падать и теперь, блестящим пухом, лежал на дороге, ветках деревьев и торцах резных ставней. Серый печной дым поднимался из труб близлежащих домов. Полная луна и зажжённые фонари

освещали улицу так ярко, что пролетку, с мерзшим внутри извозчиком, я заметила издалека.

Если вначале и были сомнения – все же одинокая девушка, ночью... – то при одном взгляде в полные мольбы глаза кружащего рядом призрака, они развеялись как дым.

– Будьте добры в Перемейский парк, – окликнула я мужчину приказным тоном.

Главное, не показывать, что тебе страшно. И тут манера общения графа Бабишева со своими слугами была ой как кстати.

Сидевший на козлах и кутающийся в одеяло извозчик, первым делом высунул нос. Заметив, кто перед ним – уже всю голову. Глазами захлопал и уставился на меня, как на полоумную.

– Дык-дык, – он сглотнул. – Ночь же, барышня. Закрыт он.

– Плачу полтинник, – кажется, мужчина заинтересовался, но продолжал медлить. – Сейчас. И еще столько же по приезде.

Домчал он меня с ветерком.

Накидочку предоставил. Правда, не меховую, как у графа, а из шерсти. Путь короткий выбрал. Знай себе, держись. Чтобы на очередном лихом повороте не выпасть в сугроб.

Зычным «тпру» остановил коней у закрытых кованых ворот. Помог выбраться и ударил кулаком по всяческому замку.

– Эй, сторож, продирай zenки. Дело к тебе есть!

Привидение, видимо предвкушая встречу с самим собой,

проплыло сквозь железную решетку и замерцало.

Решив разбираться с местной охраной без помощи посторонних, я поблагодарила извозчика. Вручила ему оставшуюся часть заработанного и, пообещав, что он получит еще столько же, если дождётся меня, направилась к вышедшему из будки зевающему деду.

Колоритный персонаж.

Жидкая бороденка. Пара уцелевших зубов. Поношенные штаны с заплатками. Куцый тулуп. Бесформенная шапка. И спружиненные сапоги. Взгляд сначала был злой, но сфокусировавшись сделался недоумевающим. Явно не каждый день его посреди ночи молодые девушки будят.

– Чего надобно, барышня?

– Открывай!

– С какого это... – отступил он перед моим напором и ткнул пальцем в висевшую на воротах табличку. – Ежели заради променаду, то вот. Читайте-с. В девять мы открываемся.

– А я на индивидуальную экскурсию пришла, – заявила я, кутаясь в полушубок. – Заплачу сколько надо.

Волшебная фраза.

Дни. Месяцы. Годы. Века... Время течет, все меняется и лишь одно неизменно – желание людей заработать.

Как там у классика? Уничтожаются преграды, сокращаются расстояния, а сердца чиновников становятся доступными для обывательских невзгод. Мне бы, как будущему слуге

закона, устыдиться. Но в данном конкретном случае, я использовала незаконную форму оплаты, для оплаты законных услуг.

Да и стыдиться некогда. Дед успел сходить за ключом, открыть замок и теперь переминался с ноги на ногу.

Я огляделась. Из-за высоких деревьев довольно темно. Да и дорогу помнила плохо. А привидение... заведет еще непонятно куда, потом ищи-свищи ветра в поле.

– Пойдете со мной.

Дед опешил.

– Куды? Зачем?

– Мне нужен человек, который бы караулил, пока я тут... гуляю.

– Не могу я, – грустно покачал он головой и запричитал. – Поясницу свело. Ноги не ходют.

А так и не заметно. Услышав о деньгах, скакал как козлик.

– Может, вам на лекарства дать?

Дедок заулыбался, подмигнул.

– Мое лекарство, барышня, этое полуштоф и как новенький пятак.

– Будет вам полуштоф. Пойдете?

– Пойду. Но мне б еще от головы...

– Тоже болит? – он закивал. – Пить надо меньше. Ладно, заплачу сколько скажите, только покажите мне главную дорогу.

Все то время, что мы с призрачной незнакомкой и пар-

ковым сторожем, попросившим обратиться к нему – Петр Кузьмич, занимались поисками нужной развилки с бревном у обочины, я, не переставая, думала...

О том, какой черт меня дернул, в такую темень связываться с трупами. Не могла дожидаться утра? Могла, конечно. Но дедовский характер... Когда пожар в груди, если дело есть неоконченное. Да и... дамочка эта со своим жалобным взглядом. Хатико отдыхает.

Что я буду говорить полиции, если мы все же найдем сейчас ее тело? Что мне среди ночи в закрытом парке прогуляться приспичило?

Ладно, уже ничего не попишешь. Придется, как обычно, импровизировать по ходу дела. Благо актерский талант еще ни разу не подводил.

Освещавший фонарем дорогу дед кряхтел, хромал на обе ноги – то левую, то правую – и придерживал второй рукой спину. Чем сильно тревожил мои и без того расшатанные нервы. Привидение рябило, летая от дерева к дереву. То ли не сильно ориентируясь в пространстве, то ли толком не ведая, где она, собственно, лежит. А я, заглядывая под каждую корягу, замерзла так, что ноги одеревенели, зубы отбивали чечетку, пальцы рук покраснели, того и гляди отвалятся.

– Барышня, вы как хотите, а я возвращаюсь, покуда силы еще имеются. И вам бы к печке. Чайку горячего испить. Покраснели вся. Дрожите. Может мне Лихача вашего клик-

нуть?

– Погодите кликать, – отмахнулась я, взглядываясь в темноту. – Сейчас найдем... и кликните.

– Да чего ж мы ищем-то?

А пес его знает...

Твердо решив послать все куда подальше, вернуться сюда утром и продолжить поиски, я вдруг застыла. Среди деревьев мелькнул знакомый пейзаж. Дорога разделилась на две. Пошире и поуже. А посередине рытвина. Чуть отойди к раскинувшей свои тяжелые от снега ветки ели, и вот оно – бревно.

Бросившись к нему, я опустилась на колени и начала раскапывать снег и хвою. С ветки с карканьем сорвалась ворона. А может ее спугнул гудящий над моей головой призрак. Свет фонаря дрожал, как и рука Петра Кузьмича. Не давал сфокусироваться.

– Помогите!

Он опустился рядом, положил фонарь на снег и застыл.

– Потеряла чего? Ну дык утром бы... – договорить он не успел, уставился на показавшуюся на поверхности темную ткань.

Я ухватилась, потянула и едва не шлепнулась на пятую точку, разглядев покоящееся под ней тело.

Холод сохранил его почти не тронутым. Глядишь со стороны, будто девушка шла через парк и решила вздремнуть. Да так крепко, что ни каркающим воронам, ни свистящему

ветру ее не добудиться.

Припорошенная снегом Спящая красавица. Заледеневшие ресницы на пол-лица. Вздернутый носик. Пухлые губы. Длинные темные волосы служили ей подушкой. А накинутый на плечи, короткий полушубок – пуховым одеялом.

– Што ж это делается? – прохрипел Петр Кузьмич, и схватился за голову. – Этакая молодлица. Околела, как пить дать...

Я, со своей стороны, со скорыми выводами не спешила. Во-первых, работа у меня такая, все под сомнение ставить, пока в руках заключение от патологоанатома не окажется. А, во-вторых, Глаша назвала призраков невинно убиенными душами. И ключевое слово здесь – именно «убиенные».

Кстати, о призраках....

За спиной раздался гул. Женщина, чье тело лежало у моих ног, спикировала прямо с неба и зависла от земли в считанных сантиметрах. Протянула дрожащую руку, собираясь коснуться застывшего лица. И тут меня оторопь взяла.

Позабыв, где я и с кем имею дело, открыла рот, чтобы грозно заявить – на месте преступления ничего трогать руками нельзя, но положение спас вскочивший с колен дед.

В его направленном на меня напряженном взгляде читалось замешательство. Подозрение граничило с недоверием. Вело безмолвный бой. Длилось это доли секунды, но мне хватило, чтобы понять – кто-то явно опомнился от потрясения, и теперь задается вопросом, а не связанна ли я с тру-

пом? И если да, стоит ли меня опасаться?

Пытаясь развеять его сомнения, я тяжело вздохнула и кивнула на дорожку, с которой мы сошли. Ведущую к выходу из парка.

– Петр Кузьмич, ну чего вы медлите? Вызывайте полицию.

– Вот это верно, – тут же закивал он. – Пристав наш смекалистый, во всем разберется. Вы, барышня, туточки стойте, а я пока лихача вашего кликну. Пушай в Мещанский участок поспешит. Эх, беда... беда...

Последние слова он произнес уже развернувшись ко мне спиной. А когда отошел на приличное расстояние, я повернулась к призраку.

– Тело мы нашли. Миссия выполнена. Ты чего не исчезаешь?

Она не ответила сразу. Задумалась. Отвела взгляд в сторону. Затем грустно опустила его к земле и пожала плечами. Не знает.

– Значит, не выполнена, – пробормотала я, мысленно чертыхаясь. Надежда на то, что все закончится быстро и без проблем таяла на глазах.

– Тебя убили?

Еще одно пожатие плеч. Снова не знает. Или не помнит?

– Как тебя зовут? Где живешь? Хоть на что-то ты можешь ответить? – женское тело пошло рябью, то уплотняясь, то становясь еле видимым. Незнакомка явно волновалась. Гла-

за испугано метались от меня к мертвому телу и обратно. Наконец, отрицательно качнула головой.

– Час от часу не легче. Ладно, приедет полиция, будем выяснять, – а еще легенду не мешало бы придумать. Да такую, чтобы ни один «смекалистый пристав» не подкопался...

«Тили-тили-бом

Закрой глаза скорее,

Кто-то ходит за окном,

И стучится в двери».

Пытаясь согреться, я потирала ладони и прыгала с одной ноги на другую, напевая первую пришедшую в голову песенку, оказавшуюся колыбельной из старого фильма ужасов.

Прозрачная женщина, меланхолично покачивая головой, зависла над мохнатой веткой ели. Наверное, если бы привидения умели тяжело вздыхать, она именно этим и занималась. А так: либо смотрела вдаль, откуда должен был появиться сторож с подмогой, либо переводила взгляд на свое умиротворенно покоящееся под бревном тело.

Трогать его до появления полиции я не решилась. Не хватало еще, чтобы местный пристав, или как там его, на меня всех собак спустил. Отпечатки свои оставлять...

Кстати, а применяют ли уже дактилоскопию? Надеюсь, что да.

Глеб Севастьянович, на теории криминалистики, часто злоупотреблял историческими отсылками. Но ни одной да-

ты, что он называл, я сейчас хоть убей, не вспомню.

Вздохнула. Поежилась.

Наконец вдалеке послышался свист. Хлопья снега взлетели в воздух. К нам приближался запряженный тройкой крытый экипаж.

Кажется пора превращаться в большеглазую взволнованную невинность.

Что я и сделала, изобразив на лице испуг и молитвенно сложив руки на груди.

Лихо притормозив в нескольких метрах от развилки, извозчик так и остался сидеть на козлах. Первым на снег спрыгнул парень в сером тулупе и такой же серой шапке, изпод которой выглядывали рыжие вихры. В его ладони был зажат освещавший дорогу фонарь.

Следом за ним показался мужчина в коричневом пальто. Долговязый. Лет сорока. Лицо худое. Шея замотана шарфом. Усики хитро закручены на концах. Одной рукой он придерживал пенсне, которое так и норовило упасть в снег, а второй прижимал к себе кожаный саквояж.

Окинув меня мимолётным взглядом и посчитав едва ли заслуживающей внимание, он всецело уставился на труп.

Я уже было решила, что это и есть хваленый пристав, но не тут-то было. Из экипажа показалась еще одна, довольно внушительная фигура. И на весь парк раздался громоподобный рык:

– Яшка, пес шелудивый, только попробуй мне все тут

утоптать. Шкуру спущу!

Душа ухнула в пятки.

Вздروгнули не только я, но и непосредственно сам виновник – рыжий паренек. А тот, что с пенсне – закатил глаза, покачал головой, положил саквояж на снег и принялся сражаться с бревном.

– Яшка, – с сильным иностранным акцентом прокряхтел он. – Подсоби.

Парень, повесив фонарь на выступающий из стенки экипажа крюк, кинулся к нему. А мой взгляд не отрывался от мужчины, что, выбравшись из экипажа, поправил стоячий воротник распахнутого темно-зеленого пальто с серебряными погонами, из-под которого выглядывал черный китель с белым шнурком, что вел к поясной кобуре.

Затем поправил шапку из черной мерлушки, с бляхой в виде орла посередине. И наконец уставился на меня жестким, колючим взглядом блестящих в свете покачивающегося фонаря зеленых глаз.

Высокий. Широкоплечий. Кажется брюнет, если судить по недельной щетине на волевом лице, чью военную выправку не скрыла бы и гражданская одежда.

Красивым я бы его точно не назвала. А вот мужественным... пожалуй. Но только подумала об этом, как тут же смутилась.

– Туточки она... – прервал затянувшуюся паузу запыхавшийся голос подоспевшего сторожа. Петр Кузьмич, согнув-

шись в спине, переводил дыхание. Одна его рука упиралась в колено, а указательный палец второй был направлен в сторону замёрзшего тела. – Не почудилось, стало быть.

– Почему посторонние? – обратился к старику брюнет, своим зычным, командирским голосом. – Ежели вытаскиваете меня из постели, Петр Кузьмич, то должно организовать охрану места происшествия и следить, дабы барышни мимопроходящие рты не разевали...

Это он что, обо мне? Похоже, образ взволнованной невинности чересчур уж удался.

– Дык, Гордей Назарыч, – выпучил на него глаза старик. – Она ж...

Но договорить не успел. Вышеназванный пристав – а я была уверена, что это он и есть – шагнул ко мне, разметая юфтевыми сапогами снег. Встал так, чтобы скрыть от меня мертвое тело, и склонил голову в поклоне.

– Пристав Мещанского участка Ермаков Гордей Назарович. С кем имею честь?

– Софья Алексеевна, – медленно произнесла я, гадая то ли мне ему замерзшую ручку для поцелуя подать, то ли реверанс грациозный изобразить. В конечном итоге отказалась и от первого, и от второго. Благо было на что списать.

Фамилию тоже решила придержать. На всякий. Не сомневаясь, что этот «всякий случай» клюнет меня в зад в самый неподходящий момент.

Пристав прищурился, но допытываться не стал. Только

медленно покачал головой.

– Шли бы вы барышня домой. Время то уж позднее. Не след вам на такое глядеть.

Посчитав свою воспитательную миссию выполненной, мужчина направился к труп, который тот долговязый, в пенсне, уже исследовал на наличие порезов и ссадин. И сел рядом на корточки.

С одной стороны, идеальный шанс, чтобы улизнуть незамеченной. Пристав дал добро. Никто из присутствующих фамилии моей не знает. Камеры наблюдения еще не изобрели. Растворюсь в городе и поминай как звали.

А с другой...

Я подняла взгляд на ель, где на ветке сидел ворон. Рядом с ним, в воздухе завис призрак, чей взгляд был направлен прямо на меня и отражал вселенскую тоску.

Сердце зашло галопом от жалости. В горле встал сухой ком. Все признаки проснувшейся совести.

Нет, так нельзя. Раз уж впуталась в это дело, я обязана довести его до конца. Разве не этому учил меня покойный дед?

Осторожно шагнув вперед, я прислушалась.

– Заметили что, Поль Маратович? – поинтересовался Гордей.

– Ножевая рана, аккурат под сердцем, – с сильным французским – я теперь слышала это отчетливее – акцентом, заключил медицинский эксперт.

Услышавший его Петр Кузьмич шумно вздохнул и перекрестился.

– Все в руке Божьей!

Рыжий Яшка удивленно захлопал глазами, подался вперед и прошептал:

– Князь...

Что он имел в виду, я так и не поняла. Договорить парню не дали. Пристав зыркнул так, что тот тут же съежился и умолк.

– Это, по вашему, причина смерти? – не выдержав, поинтересовалась я, на мгновение выйдя из заранее продуманного образа.

Полю Маратовичу, судя по всему, было глубоко плевать, кто с ним говорит. Отвечал он вполне профессионально. Не прекращая, однако, изучать рану.

– Точнее скажу после полного осмотра тела. По предварительному обследованию, учитывая температуру воздуха последних дней и все признаки трупного окоченения, могу предположить, что барышня мертва около сорока часов.

– Не стой столпом, неслух, пиши, – обращаясь к парню, отдал приказ пристав. – По приезду в участок оформишь протокол по месту совершенного преступления.

– Как прикажете, Гордей Назарыч! – Яшка вытащил из-за пазухи блокнот с зажатым внутри карандашом и, попеременно дую на замерзшие пальцы то одной руки, то другой, принялся усиленно в него что-то записывать.

Пристав, между тем, вернулся к осмотру трупа. Прошелся пальцами вдоль мохнатого воротника. Заглянул в карманы полушубка.

Он уже не хмурился, но выглядеть стал мрачным и каким-то... непреклонным. Что, стоит признать, шло ему намного больше. Четко очерченные губы, где нижняя была слегка толще верхней, крепко сжались, превратившись в прямую линию. А в зеленых глазах появился решительный блеск.

В голове невольно мелькнула мысль, каким он станет, если вдруг улыбнется? Но я быстро отогнала ее прочь, решив, что это знание из разряда лишних.

Медик, закончив поверхностный осмотр, делал заметки в собственной записной книжке. Яшка, засунул блокнот обратно за пазуху, и сейчас, под руководством извозчика, вытаскивал откуда-то снизу, из-под экипажа, самые настоящие сани. Сторож бросился ему на помощь. А я, ведомая любопытством, не заметила, как подошла слишком близко к телу.

Встала рядом с приставом, и принялась внимательно следить за его действиями.

– Надо выяснить, кто она такая, – слова слетели с губ раньше, чем я успела спохватиться. Благо мужчина был слишком увлечен работой, чтобы обращать внимание. Он кивнул, и это придало мне смелости. Продолжила я уже с энтузиазмом. – Сделать портрет, развешать по городу. Возможно, дать заметку в газеты. Вдруг кто-то из родных или знакомых

откликнется? Судя по одежде, девушка приличная.

– Навряд ли... – пробормотал он, вытаскивая из внутреннего кармана полушубка жертвы слегка смятую бумажку.

– Что это?

– А это, барышня, документ, указывающий, что данная особа, взгляды имела вольные, – он скосился на меня, но, видимо, осознав, что намек я не поняла, уточнил. – Делами... неприличными занималась. О чем вам, Софья Алексеевна, знать без надобности.

Проститутка, выходит? Неожиданно.

Я подняла голову и уставилась на сидевшего на ветке призрака. Та в ответ гордо задрала подбородок и снова пошла рябью.

Гордей, между тем, принялся разворачивать бумагу, кощунственно используя для этого голые руки. У меня аж зубы свело от негодования.

– Что вы делаете? – он недоумевающе приподнял одну бровь. – Как можно трогать предполагаемые вещественные улики до проведения дактилоскопии?

– Дакти... чего?

– Дактилоскопия – это метод, позволяющий установить личность, по отпечаткам пальцев. Введен англичанином Уильямом Гершелем, который доказал, что в природе не существует двух одинаковых отпечатков, – словно по учебнику шпарила я, уже понимая, что зря я это... сейчас или на смех поднимут, или с потрохами сожрут.

Этот может.

– Мать честная! – усмехнулся пристав, полностью сосредоточив на мне свой внимательный взгляд. – Поль Маратович, вы у нас знаток, слышали о подобном методе?

Он что издевается? Точно, издевается!

– Дюже замысловато, – почесывая пальцами ус, протянул француз, глаза которого – и от меня это не укрылось – горели любопытством.

Гордей развел руками.

– Вы уж не взыщите, Софья Алексеевна, но курам на смех ваш метод.

Этого я уже стерпеть не могла.

– Как же вы собрались идентифицировать ее личность? Или искать убийцу? – я кивнула на распростертое у наших ног тело. – Не поделитесь... любезный Гордей Назарович?

Он закашлялся, но быстро взял себя в руки. Резко поднялся с корточек и теперь возвышался надо мной, как каменная скала.

– Алевтина Максимовна Немировская, – чеканя каждое слово, произнес он. – Рождена в Псковской губернии, деревне Сосновка. Году одна тысяча восемьсот шестидесятом. Работает на Поткинской, куда я к завтраму и наведуясь...

Стоило догадаться, что в найденном документе не только род деятельности обозначен будет. Не бог весть какое достижение, но приставу достаточно, чтобы счесть себя победителем нашего небольшого противостояния.

От ответа меня спас закончивший с санями Яшка.

– На Поткинской? У мадам Жужу? Помнится обер-полицейстер лично обещался закрыть этот ее «вертеп разврата» к «псам собачьим», – парень, явно процитировав последнюю фразу, хохотнул, но поймав на себе хмурый взгляд старшего коллеги, смущенно потупился.

– Хватит балакать, тащи тело на сани. Повезем в холодную.

– Подождите, куда вы? – остановила я, собравшегося вернуться в экипаж пристава. – А проверить территорию? Оцепить участок? Опросить свидетелей?

Услышавший меня сторож фыркнул не хуже лошади.

– Какие вам свидетели, барышня? Окромя снега и деревьев никого и нет.

– Что, даже бомжи не водятся?

– Кто? – нахмурился старик.

– Бездомные. Даже если сейчас нет, утром появятся, как и посетители парка. Все тут затопчут. Надо фото сделать, вдруг что пропустите.

Медицинский эксперт, услышав мое замечание, поджал губы.

– Фотоаппарат, барышня, развлечение столичное и дюже дорогое, дабы его выписывать заради фотокарточек ночного парка.

– Не парка, а места преступления! Чему вас только учат? – я повернулась к застывшему у экипажа Гордею. – Полицей-

ский должен знать и неуклонно выполнять свои обязанности.

Морщинка между его бровей стала в разы глубже. Ладони сжались в кулаки.

– Чего вы от меня хотите, барышня? Осмотр я произвел. Убиенную опознал. К завтраму проеду по месту ее... деятельности. Или мне зайцев тутошних допросить прикажите?

– Вы сейчас утрируете!

– Да как вам будет угодно, – он склонил голову в поклоне. – Прошу простить, служба. Времени нет, разговоры пустые разговаривать. Всего наилучшего!

Не успела я ответить, как вмешался сторож. Вскочил между нами, и принялся тыкать в меня пальцем.

– Гордей Назарыч, куда ж вы, миленький? Я ж самое главное вам-то и не сказал. Она это все... Рубликами соблазняла, меня сюдыть завела. И деву эту неживую, тоже... она раскопала. Как знала, где искать!

Я сглотнула.

Появилось нехорошее предчувствие и стало нарастать. Обрело плотность, вес. Особенно, когда пристав удивленно присвистнул и сделал шаг в мою сторону.

– Вот так новость! А я думал, знакомица ваша. Ну что ж, Софья Алексеевна, голубка вы моя ясноглазая, по всему выходит, наше знакомство на этом не заканчивается. Извольте проехать с нами.

– Куда? – прошептала я, медленно отступая.

- Да вы не пужайтесь. Отсюда не далече. Скатаемся в участок. Выясним, как вы тут наперед полиции оказались, – он повернулся к старику. – И вы, Петр Кузьмич, собирайтесь.
- А я-то вам зачем? – захлопал глазами сторож.
- Будете вводить в обстоятельства.

Глава 5, Где важно читать книги

В экипаже было тесно. А еще душно, из-за чего я, забывшись, попросила открыть окно. А на меня взглянули как на дурочку и не ответили.

От сидевшего справа Петра Кузьмича несло кислой капустой. Я всю дорогу боялась, что задохнусь. А вот от сидевшего слева пристава не несло. От него пахло. Морозной свежестью и ваксой.

Запах сам по себе терпкий, но мне безумно нравился. А все потому, что напоминал о покойном дедушке, который тоже чистил сапоги ваксой, предпочитая ее гуталину.

Чем дальше мы ехали, тем сильнее мне хотелось предложить Гордею поменяться местами. И только желание не обижать сторожа, который и так от страха места не находил, держало мой рот на замке.

Призрачной женщины не видно. Но в ее полное исчезновение я не верила. Скорее всего летит над экипажем. И появится, как только я меньше всего буду этого ожидать.

Мерно покачивающийся француз, кажется, заснул. Яшка изучал свои грязные ногти, изредка кидая на меня любопытные взгляды. И только пристав, откинувшись головой на спинку высокого сиденья, смотрел в маленькое окно, за которым пролегалла глубокая ночь.

Это пока ночь. А если продержат до утра? Что я Инессе

Ивановне скажу? Еще решит, что какими-то непотребствами занималась. На свидание бегала. У них здесь, вроде как, с этим строго.

Прервал мои невеселые думы послышавшийся снаружи звонкий свист. Экипаж резко остановился. Я выглянула в окно. Придорожный фонарь осветил двухэтажное кирпичное здание с решетчатыми окнами.

Мещанский участок располагался на улице... Мещанской. О чем гласила приколоченная к дому табличка. Подъездная дорожка, вычищенная от снега, была усыпана гранитной крошкой и вела к парадному крыльцу.

Первым наружу выскочил Яшка. За ним полез проснувшийся медицинский эксперт. Следом пристав, который далеко уходить не стал, а протянул руку и помог мне спуститься. Петр Кузьмич, кряхтя и охая, справился сам.

А вот и моя прозрачная знакомая. Как я и думала – висит над крышей, на меня не смотрит, ножками болтает.

Не успели мы и шага сделать, как открылась входная дверь и на улицу, без верхней одежды, выскочил мужчина. Высокий, плотный, лысый, но при усах. Лет тридцати, не больше. Принялся внимательно разглядывать нашу честную компанию, пока не дошел до Ермакова.

– Гордей Назарович, а чего у вас тело мертвое на санях катается? А ежели видел кто? Кликнули бы санитарную карету.

– Квасить меньше надо. Так и передай Прихотько, – бро-

сил ему пристав и одним кивком головы подозвал к себе рыжего парнишку. – Яшка, тело в холодную давай. Им Поль Маратович займется.

Француз, услышав свое имя, что-то пробормотал и быстро скрылся за входной дверью. Яшка с извозчиком направились к саням.

– А этих куда? В загон или сибирку [1]? – кивнул на нас с крутившимся рядом сторожем лысый.

Услышав эти непонятные слова, старик вздрогнул и схватился за сердце.

– Што ж это делается? Честного человека...

– Полно вам, Петр Кузьмич, – поморщился Гордей и обратился к своему коллеге. – Свидетели это, Стрыкин. Сопроводи в мой кабинет.

На улице, перед рассветом, усилился мороз. А в приемном отделении Мещанского участка полиции, тесном от трех столов, забитого папками старого шкафа и другой потертой мебели, было тепло и спокойно.

Правда задержаться нам с Петром Кузьмичом здесь не дали. Лысый усач прошел дальше, к ютившейся в углу болотного цвета двери. Дернул за ручку и кивнул, приглашая войти.

Что мы и сделали.

Небольшой кабинет пристава поразил своими спартанскими условиями. Стол с зеленой суконной поверхностью, на которой стояла лампа и лежала стопка газет. Хозяйский

стул. Шкаф для одежды. И висевший на голой стене портрет царя в деревянной рамке.

Неуютное, темное помещение имело лишь один плюс – большое окно с видом на освещенный газовыми фонарями парк. В него то я и смотрела, пока Стрыкин бегал за стульями для посетителей.

Сторож придвинул свой вплотную к столу и принялся сверлить меня обвиняющим взглядом. Губы поджимал. Брови сводил. Того и гляди бросит что-нибудь грубое. Склоку затеет.

Благо Ермаков задерживаться не стал. Послышались тяжелые шаги. В проеме нарисовалась знакомая фигура, которая, даже без пальто и шапки, внушала... почтение.

Рост ни на сантиметр ниже, плечи, с красующимися на них серебряными погонами, ни на миллиметр уже. Ладно сидящая полицейская форма. Кто-то явно отдает должное своей физической подготовке. Впрочем, девятнадцатый век или двадцать первый, с его работой – обычное дело.

– Стрыкин, чаю горячего мне намешай, – бросил он, садясь на свой стул.

– А этим? – кивнул на нас усач.

– Обойдутся!

Вот же... чёрствый сухарь. Я бы, может, тоже от чего-нибудь горячего не отказалась.

Пока я мысленно песочила этого невозможного типа, он, полностью игнорируя мою скромную персону, развернулся

к трясущемуся как осиновый лист сторожу.

– Ну-с, Петр Кузьмич, рассказывайте, как дело было.

– Вот те крест, Гордей Назарыч, – быстренько перекрестился старик. – Все как на духу. Сижу я, значит, в своей сторожке. Педремываю. Ночь на дворе. Перемейский парк к этому часу на замок закрыт. Все об том знают. Не суются. Тут слышу шум. В ворота стучат. Кого черт принес? Выхожу, а там эта... красавишна. Не хотел же пускать. Да как дьявол на ушко нашептал, на рублики ее позарился. Взял грех на душу...

Ох, как жалится дед, на слезу пробивает. Только на лице пристава даже морщинки не появилось. А меня от того, чтобы не вмешаться, сдерживала жесткая самодисциплина, да надежда, что и мне дадут шанс выговориться.

– Куда шла? Чего искала?

– Да ежели б я знал, Гордей Назарыч, неужто б смолчал? Ходють, смотрють. Я весь взмерз, пока за нею шел. Потом хватъ, а она к бревну у дороги бросилась и давай копать. По-первой подумалось, барышня драгоценность какую утерьяла. Хотел чутка подсобить. А там... дева убиенная лежит. И ведь что странно, барышня наша даже не испужалась. Велела полицию кликнуть, а сама на месте осталась. От так и было.

Петр Кузьмич снова перекрестился. А пристав, получив от него все, что хотел, перевел на меня задумчивый взгляд.

– Голубка моя, Софья свет Алексеевна. А вы, однако, преинтереснейшая особа.

Судя по тону, каким были сказаны эти слова, Ермаков не столько заинтересован, сколько тонул в подозрениях. То ли сразу меня в кандалы заковать и за решетку бросить, то ли все же выслушать.

И обращается чересчур уж фамильярно. Одно из двух – либо считает убийцей, либо необремененной моралью коллегой жертвы. И с такими исходными данными, я, пожалуй, далеко не уеду.

Или уеду. Как раз таки далеко и надолго. Так что требовалось срочно прояснить ситуацию.

Облизав резко пересохшие губы, я потупила глазки, источая чистую, как небо, невинность.

– Господин пристав, могу я поговорить с вами наедине? – стрельнула взглядом в сторону хмурившегося сторожа. – Пожалуйста. Это дело очень... деликатного характера.

Гордей около минуты сверлил меня тяжелым взглядом. Затем вздохнул и кивнул старику.

– Петр Кузьмич, не смею вас дольше задерживать. Заступайте на службу, – старик, на радостях не встал, а подскочил и чуть ли не в пояс поклонился. – Только просьба к вам будет. Вы уж за парком приглядывайте, как должно. И о всяких подозрительных личностях, нам тотчас докладывайте.

– Ни одна мышь в ворота не проскочит, Гордей Назарыч, – затряс бородой сторож и направился к выходу. – Но разве ж я собака цепная, чтоб вовнутрях за господами следить? Котются себе на санках, куды хотят. Да и морозец нонеча,

какой. Шутка ли? В сторожке токмо и отогреваюсь...

Последние его слова приглушила закрывшаяся за сутулой спиной дверь. В темном кабинете остались лишь мы с Ермаковым вдвоем... Если не считать висевшее у шкафа привидение.

– Ожидаю ваших объяснений, Софья Алексеевна, – нетерпеливо произнес пристав, когда пауза подзатянусь.

Чтобы хоть немного сгладить морщинку на его лбу, я мило улыбнулась. Затем наклонилась вперед, положила локоть на его стол и подперла ладошкой щеку.

– Каких именно объяснений вы от меня ждете, любезный Гордей Назарович? Как я увидела призрак покойной, и он привел меня к своему телу? – откинув голову, я весело рассмеялась. – Поверьте, все намного проще. Вчера утром мой жених пригласил меня прокатиться в известном вам парке. Погода стояла отличная, так что я не решилась отказать, хотя чувствовала себя не очень хорошо. За день до этого я сильно ударила голову. Пришлось вызывать доктора. Так вот, о чем это я? Ах, да... Когда я вернулась с прогулки, сразу легла спать. А проснувшись среди ночи, обнаружила, что потерялась старинная брошь. Подарок моей любимой тетушки.

Всхлипнув, я прикусила нижнюю губу и промокнула пальцами абсолютно сухие уголки глаз. Гордей, как и любой мужчина, не терпящий женских слез, тяжело сглотнул и дернул тугой воротник форменного кафтана.

– Я не могла ждать до утра. С этим подарком я почти не

расстаюсь, и тетушка за завтраком обязательно заметила бы его отсутствие. Сейчас уже понимаю – глупая была затея. А тогда... Взяв извозчика, я поехала в парк. Петр Кузьмич отказался меня впустить, пришлось задобрить рублями. Он проводил меня до того места, где мы с Сергеем Даниловичем прогуливались пешком, и я начала поиски. А дальше... вы все сами знаете. Поверьте, это чистая случайность.

– Одного не пойму, что же в вашей истории деликатного, Софья Алексеевна? – вопросительно приподнял правую бровь пристав.

– Дело в том, что мой жених – граф Бабишев, – тут я сделала театральную паузу. – Он все вам в точности подтвердит.

То ли Ермаков откровенно мне не верил. То ли привык за годы службы скрывать свои чувства под налетом холодности. Но на его надменном лице не промелькнуло ни единой эмоции.

Даже бровью не повел, когда я Сергея Даниловича упомянула. А я, признаюсь, питала некоторые надежды...

– Невеста графа Бабишева, – протянул пристав, не отрывая от меня нечитаемого взгляда. – Уж не Леденцова ли ваша фамилия?

– Все верно, Софья Алексеевна Леденцова. Но откуда вы...

– Китеж – городок не из великих. Да и память у меня на имена хорошая, – пожал он широкими плечами, но в подробности вдаваться не стал.

Впрочем, я и сама быстро поняла, что вопрос был глупым. Граф – это вам не мещанин какой. О его помолвке и объявление в прессе наверняка имеется. А Ермакову, судя по стопке газет на столе, по долгу службы приходится с этими объявлениями ознакамливаться.

– Раз мы все выяснили, я могу идти?

– Куда ж вы так торопитесь, госпожа Леденцова? – его губы растянула усмешка. И я как чувствовала, ничего-то хорошего она мне не предвещала. – История ваша уж больно ладная. Да не объясняет некоторые детали.

– Это какие? – удивилась я, мысленно выискивая дыры в алиби и не находя ни одной.

– Извольте полюбопытствовать, откуда у вас, дорогая Софья Алексеевна, такие удивительные познания в криминалистике? Отпечатки, свидетели, – хмыкнул он. – Такой мне выговор учинили, я уж, грешным делом, решил сам господин капитан-исправник в гости пожаловал.

Я сглотнула, и Гордей это заметил. Прищурился. Подался вперед.

Мысли лихорадочно заметались, в попытке выдать правдивый ответ.

– А я... журналы немецкие читаю. Детективные истории люблю. Газеты... опять же, – кивнула на те, что покоились на его столе. – Всегда мечтала работать в полиции. Помогать людям... – Взгляд метнулся к призраку у шкафа. – И не только... Готова даже на общественных началах. Если позволите.

Кажется, я наконец-то умудрилась пробить броню спокойствия полицейского пристава, чья бровь, медленно, но верно, поползла вверх. Правда, он быстро взял себя в руки.

– Романов начитались, Софья Алексеевна? Так разочарую. Полицейская служба – дело грязное. Не женское. Возвращайтесь, голубка моя, обратно к журнальчикам вашим, платьям, вышиваниям...

Я резко подскочила со стула и уперлась ладонями в столешницу.

– Но как же... убит человек!

– Частному лицу запрещено заниматься сыском по уголовным преступлениям. Что до госпожи Немировской... Ее убийца получит по заслугам. А вы можете быть свободны.

Сказал, как отрезал. И спорить дальше с этим чурбаном бесчувственным абсолютно бессмысленно. Чего доброго, в камеру кинет, за неподчинение требованиям.

Громко протопав к выходу, я с шумом захлопнула дверь. Остановилась. Зажмурилась. Сжала кулаки, почти до боли. Досчитала до десяти. Выдохнула.

Пусть не полностью, но злость отступила. Мысли прояснились. Наметился план.

– Простите, пожалуйста, что отвлекаю, – мило улыбнулась я, сидевшему в приемном отделении мужчине лет пятидесяти, который, высунув язык, старательно корпел над листком бумаги. – Не подскажите, где я могу найти Поля Маратовича?

– Дык, в медицинской он, барышня, – обожгли меня скорее заинтересованным, чем удивленным взглядом. – Вверх по лестнице, первая дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.